

© Н.С. Душакoва

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЕРНАКУЛЯРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКИ

Ключевые слова: старообрядцы, запреты, предписания, вернакулярные представления, актуальные практики, родильный обряд, беременность, послеродовое очищение, Молдова, Румыния

На основе полевых материалов, собранных среди старообрядцев Республики Молдова и Румынии, в статье рассматриваются актуальные вернакулярные представления, связанные с подготовкой к деторождению, протеканием беременности, родами, последующим ритуальным очищением матери и ребенка. Автор анализирует, как функционируют в культуре и взаимодействуют между собой многочисленные запреты и предписания, регламентирующие поведение участников родильного обряда, каким образом традиционные модели поведения оказывают влияние на современные практики деторождения в старообрядческих сообществах.

DOI: 10.7868/S0869541518030107

На первый взгляд, родильный обряд русских представляется достаточно хорошо изученным. Существуют исследования, которые освещают отдельные аспекты этого обряда в рамках разных подходов (см.: Байбурин 1993; Цивьян 1985; Толстая 1995; Белоусова 2003; Баранов 2001, Кабакова 2009; Листова 1986; Чистов 1987; Шепанская 1994; Арсланова 2010; Власкина 2001; Добровольская 2001 и др.). Отношение к теме как к уже изученной и “традиционной” для российской этнографии и фольклористики приводит к заметному снижению научного интереса к ней, что усугубляется представлением о том, что “родильный обряд отходит в прошлое, исчезает” (Белоусова 2003: 339). Однако при анализе исследований культуры русских-старообрядцев Северо-Западного Причерноморья нельзя не обратить внимание на то, что именно родильная обрядность выступает одной из наименее изученных областей. Возможно, такая ситуация сложилась из-за отсутствия интереса к самой проблематике или убежденности в том, что современные достижения медицины привели к исчезновению как “традиционных” практик, связанных с рождением детей, так и мифологических представлений, изучением которых должны заниматься этнографы и фольклористы. Кроме того, по сравнению с другими обрядами жизненного цикла (свадебными и погребальными), родильный обряд отличается слабой внешней выраженностью, “немногословностью, обращенностью внутрь” (Баранов 2001: 9).

Тем не менее данная методологическая проблема была решена: с 1970-х годов американские антропологи, а с 1990-х годов и российские исследователи стали изучать процесс протекания беременности и роды в современных условиях стационарной медицины, соотнося его с традиционными практиками. В работах американских антропологов роды в официальных медицинских учреждениях рассматриваются в качестве

Наталья Сергеевна Душакoва | <http://orcid.org/0000-0003-4486-5367> | nataliadusacova@gmail.com | к.и.н., научный сотрудник центра исследований фольклора и антропологии города | Московская высшая школа социальных и экономических наук (пр. Вернадского, 82, корп. 2, Москва, 119571, Россия)

модифицированного обряда перехода. Обозначенная тематика стала активно разрабатываться в рамках отдельного направления “антропологии рождения” (*anthropology of birth*). Так, Б. Джордан (B. Jordan) обратила внимание на то, что с возникновением родильных домов два института – повитушество и акушерство – существовали как “параллельные легитимные системы знания”, а люди легко лавировали между ними, “используя их последовательно или параллельно для конкретных целей” (Jordan 1997: 56). Э. Окли (A. Oakley) рассматривала процесс беременности и роды в условиях медиализации повседневности, когда контроль над беременностью и рождением ребенка все больше переходит от матери к врачам; на богатом материале она проанализировала проблему выбора между родами в больницах и в домашних условиях (Oakley 1984). Роли отца в родильных практиках в современной Америке посвятила монографию Д.У. Ливитт (Leavitt 2009). Российские исследователи также изучали практики родовспоможения в городской среде (напр.: Белоусова 2003) и субкультуру рожавших женщин (Щепанская 1994).

Полевые исследования среди старообрядцев Республики Молдова и Румынии не только демонстрируют тот факт, что в памяти местных жителей сохраняется общее знание об обрядовых практиках, связанных с подготовкой матери к рождению ребенка, родами, поведением роженицы, празднованием рождения ребенка и крещением, но и позволяют говорить о бытующих до настоящего времени многочисленных приметах, запретах и предписаниях, сопровождающих и регламентирующих поведение участников обряда.

Основными источниками для данной статьи стали полевые материалы, собранные в 2015–2016 гг. среди старообрядцев Республики Молдова (с. Кунича, с. Старая Добруджа, г. Единцы; г. Бендеры Приднестровской Молдавской Республики) и Румынии (с. Сарикей, с. Журиловка). Всего было записано 42 интервью с женщинами разных возрастов (от 29 до 90 лет). Среди информантов были женщины, которые сами выступали в качестве повивальных бабок либо обращались за их помощью во время беременности, родов или после них.

Задачами этой работы являются реконструкция традиционного родильного обряда староверов на основе воспоминаний женщин разных поколений, а также анализ современных представлений старообрядцев о беременности и родах. Принимая во внимание существенные трансформации практик, связанных с такими факторами, как изменение места рождения детей, отказ от института повитушества в родовспоможении и др., рассмотрим, каким образом традиционные модели поведения оказывают влияние на деторождение в современных старообрядческих сообществах. Кроме того, не менее интересно проследить, как функционируют и взаимодействуют различные представления и практики в рамках одной локальной традиции и в сопоставлении с другими традициями очерченного ареала. Решение этих задач обогатит современное исследовательское направление антропологии родов, поскольку позволит выявить роль конфессионального фактора в родильной обрядности, а также укажет на связи между актуальными представлениями и реальными действиями, сопровождающими процесс протекания беременности, роды и послеродовой период.

Таким образом, в данной статье в центре внимания находятся вернакулярные представления, связанные с подготовкой к деторождению, протеканием беременности, родами, последующим ритуальным очищением матери и ребенка. Использование термина “вернакулярный” позволяет не только отойти от научно неточного понятия “народные представления”, но и снять противоречия между так наз. официальными и неофициальными практиками. Вслед за Л. Приммиано под “вернакулярными” будем понимать различные проявления и вариации, в т.ч. личные интерпретации, распространяемые на определенной местности или характерные для того или иного сообщества представлений (Primiano 1995: 42). Данная методологическая установка включает понимание того, что на их формирование оказывают влияние многочисленные факторы: природная среда, семья, религиозные институты, традиции, СМИ, процесс социализации, воспитание,

образование, политические и экономические условия (*Primiano* 1995: 44). Мы не пытаемся искусственно вычлнить что-то “чисто старообрядческое”, а рассматриваем актуальные верования членов этого сообщества, осознавая, что индивид может по-новому интерпретировать и пересматривать свои представления, находясь под влиянием социокультурной среды (*Primiano* 1995: 48).

Существующие в настоящее время работы, посвященные родильной обрядности староверов Северо-Западного Причерноморья, очень немногочисленны и являются либо краткими описаниями отдельных практик старообрядцев Добруджи (Румыния) в рамках общих исследований (*Tudose* 2015; *Ipatiov* 2002), либо описанием полевых материалов, собранных в поселениях Южной Украины и представленных как “общее знание”, характерное для гомогенной традиции (*Захарченко* 2004; *Стоянова, Троцык* 2006; *Захарченко, Петрова* 2005; *Троцык* 2005). Более детально описаны родильные практики липован Румынии в статье А. Красовски (*Красовски* 2001) и в монографии Е.В. Арслановой (*Арсланова* 2010), посвященной обрядам жизненного цикла липован Астраханской области – реэмигрантам из обследованных поселений Румынии.

Беременность. По словам С.М. Толстой, “беременность считается состоянием опасным (иногда нечистым) как для самой беременной женщины, так и для окружающих и всего жизненного порядка. Это связано с присутствием в ней двух душ и ее близостью к границе жизни и смерти” (*Толстая* 1995: 160). Этим объясняется наличие многочисленных запретов и предписаний, регламентирующих поведение беременной женщины и ее окружения. Т.Б. Щепанская предлагает иное объяснение: рассматривая роды как “посвящение в женский статус”, а освоение связанных с данным процессом правил как подготовку к вступлению в женское сообщество, исследовательница обращает внимание на то, что “во время беременности как бы заново проверяется соответствие поведения женщины общественным нормам” (*Щепанская* 1995: 19). Отсюда и повышенное внимание к соблюдению беременной женщиной общих для всех членов сообщества предписаний и запретов. К тому же действия матери моделируют и будущее ребенка. Например, нарушение запрета работать в воскресный день нежелательно для любого старообрядца, но особенно опасные последствия могут ожидать будущую мать. Г.Н. Захарченко записала в Придунавье нарратив о том, что “ребенок родился со сросшимися пальцами на обеих руках”, а “объясняют это работой беременной в воскресенье” (*Захарченко* 2004: 115).

В Республике Молдова и в Румынии женщину, готовящуюся стать матерью, старообрядцы называют “беременной”, “в положении” или “занятой”. Также было зафиксировано, что в с. Сарикей беременную незамужнюю женщину называют “лавка с товаром”.

Согласно собранным полевым материалам, в изучаемом регионе распространен запрет на сокрытие самого факта беременности, если женщина, которая ждет ребенка, замужем:

[– Скрывали беременность от чужих людей раньше?] – Не, не. Знаешь, кто скрывали? Какие вот в девках останутся – “лавка с товаром”. Я говорила тебе? [– Да, вот это Вы мне говорили.] – Это не говорили, что она ходит чи занятая, мы более говорим “занятая”, говорили: “Слыхала, вон тая занятая ходит, а он ее не берет?” (ПМА 1: С.П.И.).

Примета такая, что скрывать нельзя, потому что ребеночек не будет долго разговаривать (ПМА 2: Х.Т.А.).

Нельзя (скрывать беременность. – *Н.Д.*), потому что ребенок рождается немощный. [– Да, вот так?] – Да. Умалчивали, чтобы не сглазили, кто долго ждал детей, так примерно. [– А так нельзя было, надо говорить было?] – Надо говорить, да. Иначе, говорят, ребенок... (ПМА 2: Д.О.Е.).

Как видно, мотивировки запрета отличаются в деталях (“ребеночек не будет долго разговаривать” или “ребенок рождается немощный”), но общим в этом случае выступает

то, что сокрытие будущей матерью факта ожидания ребенка может отрицательно сказаться на его здоровье. С другой стороны, из третьего фрагмента интервью следует, что отрицательные последствия может вызвать не только несоблюдение рассмотренного запрета: его сознательно нарушают, чтобы избежать сглаза.

Сглаза боятся на протяжении всей беременности, поэтому существует большое количество средств и оберегов, направленных на предотвращение нежелательных последствий от него для женщины и будущего ребенка:

Говорили так, что если кто-нибудь позавидует, сглазит ее – повредит ребенку. Так было. [– И что она носила с собой? Сон Богородицы или что?] – Носила, носила с собой... как Вам сказать, пояс, и на поясе была... как Вам говорить... ооой, монисточка такая, как она называется? Талисман, талисман носила на поясе. Пояс был 40 Богородиц повязанный, 40 Богородиц был талисман. Это было от глаза. [– А что за талисман такой? Что там – иконка?] – Раньше... нее, талисман такой, как теперь, не продаются талисманчики для детей, что кладут на шею, на ручку, был из жемчужных монистов. И все был, как Вам сказать, вычитан молитвами. [– Освященный, да?] – Не был священный, а вычитано молитвами. Дечь (рум. то есть. – *Н.Д.*), пояс тот был плетен... вязанный 40 Богородицев, кто его вязал, и после клали той талисман, и клали ей на пояс, на тело, чтоб это ее охраняло от глаза (ПМА 1: Р.Е.Я.).

И мама мне всегда говорила: “Лишь пошла воды, приходишь – и умойся”. Чтoб умыться. В церковь, в город – куда-либо, потому что беременных очень... они... может кто-то сглазит. [– А умыться просто водой или святой?] – Водичкой. Не, святой у нас не разрешается водой вообще. Вот эта вода святая – ну как, нельзя так, чтоб она... чтоб топтаться по ней невозможно. Это можно в таком месте умыться, чтобы эту водичку потом вылить под дерево. <...> Есть 15 февраля праздник Сретение Господне. И вот рано утром до восхода солнца желательно набрать водички. Можно, если это нет доступности, можно с одного колодца, но желательно, лучше всего с трех колодцев набрать воды до восхода солнца. Но встать утром и умыться и обязательно перед этим помолиться. И идешь когда водичку брать, все время надо всю эту дорогу, пусть три минуты, пусть пять, все время или читать “Отче наш” или молитва Богородице. [– И это для чего?] – И эта вода существует год. Она очень помогает от сглаза. Вот мама мне еще с детства, помню, я беременная была, и она мне все время: “Ушла – и водичкой постоянно умываться. И умываться не так, как-либо, а именно от подбородка вверх, чтобы захватить вот так и волосы” (ПМА 2: Х.Т.А.).

[– А вот как беременную можно было защитить от сглаза?] – Это... Поясок. [– Опять-таки, да?] – Да, пояском можно, повязывали. Они говорили вот, когда она чувствует, что ее кто-то сглазил, тогда говорили: “Соль тебе в глаза”. Ну, чувствует, что... [– Соль, да?] – Соль в глаза, да, соль в глаза, соль в глаза. [– Это говорили, ну, на того человека, который...] – Ну, сглазил, она чувствовала, что она пристально сморит на нее, и ничего не может, она про себя говорила, что тогда: “Соль в глаза, соль тебе в глаза” (ПМА 2: Д.О.Е.).

Кроме использования общедоступных средств, о которых говорят информанты в приведенных интервью (пояс, талисман, вода, вербальные обереги), нередко для защиты от сглаза прибегают (и продолжают это делать в настоящее время) к помощи магических специалистов:

[– Что-то делали, чтоб беременную от сглаза защитить, чтоб ее...] – Да, это было. Было. Были женщины такие, которые читали Богородицу три раза, девять должно быть серничинков, спичечек, засветют и водички непочотой вытянут с Богородицей, пойдут в криницу и тогда те засветют, и окунает, и вот она если потонула или стоит вот так вот, значит, ты сглазенная, если... [– А где, в стаканчике или как?] – Да, в каночку вот так, да. И потом побрызгает по-маленькому. [– Этой водичкой,

да?) – Да. Тая самая женщина в рот наберет и брызнет три раза и после даст ей капочку попить, а потом те на петли лили, на двери на петли [– Вода, которая осталась?] – Вода, да, туды-туды лили. Да, это было (ПМА 1: М.У.Н.).

[– Пока женщина в положении, могли дурным глазом посмотреть, сглазить?] – А, могли. Могли, дочка. [– Вот как ее спасали от этого? Как уберегали?] – Как спасали... травами. Травы. Были бабки такие, что это, сейчас вот...были... (ПМА 2: Б.А.Т.).

Подчеркнем, что способы защиты от сглаза были одинаковыми для всех, однако во время беременности им уделяли особое внимание, поскольку негативные последствия распространялись не только на будущую мать, но и на ребенка.

Достаточно жестко регламентировано и поведение беременной женщины. В настоящее время среди старообрядцев Румынии и Молдовы актуальны, т.е. сохраняются в памяти и бытуют не только на вербальном, но и часто на акциональном уровне многочисленные запреты. Приведем наиболее часто встречающиеся:

- запрет контактировать с животными с шерстью (напр., запрет контактировать с кошкой/собакой, пинать кота/собаку, гладить козу):

Говорили, что если будет гулять с кошкой и собакой, то, может быть, родится с волосами, там, детенок, чи как. Да, такое это все. [– Именно с кошкой или собакой нельзя?] – Та и с кошкой, и с собакой нельзя. Что с волосом, как сказать, и кошка, и собака маить волос (ПМА 1: Р.Е.Я.).

...а вот кто какие ереси держал, может, и бывало, там, чтоб кота ногой не надавали, а то будет волосяный детенок, там, да (ПМА 1: М.У.Н.).

Кота нельзя ударить ногой или собаку. [– А это почему?] – За то, что щетинка будет (ПМА 2: И.Е.Р.).

Нельзя животных, кошку, собаку нельзя ногой пинать, потому что будет спинка такая вся... как называют, “щетинка”. Будет очень страдать ребенок (ПМА 2: Х.Т.А.).

[– Говорили, что беременной нельзя контактировать с... ну, кошку, там вот, ногой?] Ш.А.И.: – Да, да. [– Говорили?] – Да. Оно и правда: потом на спинке у детей как щетинка называлось. Оно и вправду, такие волосики маленькие, как щеточка, черненькие. Я помню, мама сжеживала с груди и так, говорит, скатывать. Но когда щетинка, детенок не спит ночью, катала-катала: “Ну, глянь-ка, сколько волосиков!” И черненьких, усатые такие, маленькие, как шерсть. [– Это если кошку пнуть? Или собаку тоже?] – Да, если ногами беременной кошку. Помню, мама кричала: “Не трогайте, бо будет детенок потом мучиться!” Приходило это, правда (ПМА 2: Ш.А.И., П.С.В.).

Козу нельзя гладить. [– А козу почему?] – Ну, щетина. Вот у моего сына и у меня была коза, я ее доила, и... Говорят: “Неправда!” Правда! И щетинка, он не мог, вот, спать, вот так вот спал, когда я пошла к бабке, она стала выкатывать, у него такие вот были вот, потому что я гладила, вот, козу доила и бралась за шерсть, за спину, вот так у него на спине и была щетина... (ПМА 2: Д.О.Е.).

По сведениям, собранным в Придунавье Г.Н. Захарченко, «если беременная пинала ногой кошку, лазила через забор или лазейку, “ребенок может родиться калекой или пуговиной задушиться”» (Захарченко 2004: 115).

- запрет переступать через проволоку/веревку/цепь:

А проволоку я не знаю, чего. А говорили мне, что “где-нибудь через проволоку чтоб ты не перешагнула” (ПМА 2: И.Е.Р.).

Ну вот, проволока, веревка, шланги какие-то если по двору или где-либо, ни в коем случае нельзя переступать, перешагать через это все, потому что, говорят, ребенок будет пуповиной обвит сильно шейка. Вот это я знаю. Ну, шейка будет обвита пуповиной (ПМА 2: Х.Т.А.).

И когда идешь, тоже корова или коза, через цепку нельзя переступать... (ПМА 2: К.).

...вот через цепь – да. [– Через цепь, да?] – Да, вот, пуповина будет вокруг шеи. [–Если через цепь переступит?] – Да (ПМА 2: Д.О.Е.).

- запрет при испуге (во время пожара/уличения в краже) касаться своего тела:

...а то при пожарах: если хата горит, чтобы не взятыся ни за живот, ни за что. Если, бывает, беременная возьмешься за живот и попадешь где-нибудь... ну, когда родится, тогда вот там пятно бывает. И оно уже не спадает, так и будет то пятно. Если попадешь на живот, а бывает – на лицо. И на лице бывает. [– Пятно, да?] – Пятно, да. Вот у нас у одной хлопец был, и женился уже, так то пятно и было на лице, на щеке у его. Говорит, то, когда была беременная, взялась. [– Это именно при пожаре только?] – Да, да, при пожаре. В пожар. Вот увидела пожар и взялась – значит, не надо братья за живот было (ПМА 2: С.А.Е.).

...знаю, что запрещено было, и все говорили, чтоб че-нибудь не утаила, не украла. Скажем, вот, виноград. Она хочет винограду, а наместо попросит, она хочет его украсть, чтоб хозяйка не видала, что она сорвала виноград. [– Это нельзя?] – Не то что нельзя, можно было, а не можно было, если она сорвала тот виноград, и хозяйка ее заметила, она может сказать: “Вот я захотела винограду”. Она спужается и таит его, хоронит. И говорят, если схоронила, хоть черешня, хоть яблоко, и выходит на теле у детенка такая семн, как говорится по-русски? Мета тая, мета, вот. Если она винограду украла, родится детенок, куды она покладет руку. Да, и много это оказалось правда. [– Да?] – Да, много есть черешня, есть виноград, есть яблок. Понимаете? Так на теле остается, не можно его ничем затереть. [– Как пятно?] – Как пятно, вот так, да. Дечь она если сорвала кисть, я зашла, она спужалась и так во (прикладывает руку к животу. – *Н.Д.*) И тут и осталось у ей. И много так есть у людей – тьма! Дечь это как правда. Так говорят, что правда, что это... Много говорят: “Глянь-ка, у его как черешенка на плече чи где”. Да говорят: “Да матка, когда беременная была, да крапа черешню, да схоронила”. Да. Дечь так было (ПМА 1: Р.Е.Я.).

На пожаре нельзя руками, ну вот, когда беременная, пожар – и так, за лицо, за... Остаются эти... [– Пятна?] – Пятна, да. Должна уходить сразу. Отвернуться и уйти. Вот это (ПМА 2: Д.О.Е.).

Приведенные инструкции в большинстве случаев содержат следующую мотивировку: нарушение запрета отрицательно сказывается на здоровье будущего ребенка. Обращает на себя внимание и связь между запретом и последствиями его нарушения: контакт с шерстью животного – “щеткинка” у ребенка, перешагивание через цепь/проволоку/веревку – пуповина вокруг шеи, украденный фрукт – пятно той же формы на теле. Подобные мотивировки запретов наблюдаются и в достаточно редко встречающихся инструкциях, зафиксированных среди старообрядцев Молдовы и Румынии:

- запрет переступать через острый предмет (чаше – нож):

[– А переходить через нож, через острый предмет переступать?] – Это да, это как все боялися, все как называлось, как предмет один был, что не надо. А взыание никакая не было запрещено. [– А предмет – что, почему не надо?] – Что все говорили, что и с детенком чтобы не получилось бы, может что-то получиться с детенком, говорили, что детенок может народиться такой, чи может иметь такую судьбу.

Если через ножик перешагнет, как Вам сказать, ножиком может помереть, когда будет большой, когда вырастет, это были. [– Такое, да?] – Да, да (ПМА 1: Р.Е.Я.).

- запрет собирать щепки в подол платья:

...слышала... знала, что нельзя собирать в... как сказать... в подол щепы. Вот дров если кололи, щепки летят, в подол нельзя собирать – тогда родится в сухотах, будет, да. Будет как родимые сухоты, они как неизлечимые даже... родимые сухоты. Вот (ПМА 2: С.А.Е.).

- запрет наступать на разрытую кротом землю:

И потом было даже у женщины, там, нашей соседки, родила и тут вот у девочки как гуля была, потом нарыв был. Говорит, наступила на землю, где крот нарыл. Есть крот такой, что землю роет, кучки. Сам слепой тот крот. У нас штось немае в этом году и в прошлом году, а то – то там нароет, то там нароет, на огороде эти кучки нарыты. И вот наступила на тую, “кротороина” называют. Кротороина. И, значит, пошел нарыв от кротороины той. [– Это мать беременная когда была, наступила?] – Да, когда была беременная, наступила на эту, родилась с раной (ПМА 2: С.А.Е.).

Рациональной мотивировкой наделяется запрет беременной женщине садиться на камень: “Садиться на камень – это к тому, что будет рода тяжелая, что женщина, когда сядет на что-то холодное, она, как сказать Вам, застывает. И роды будут тяжелые. Да” (ПМА 1: Р.Е.Я.).

Перечисленные запреты, по словам информантов, чаще всего соблюдаются на практике: знание традиции в этом случае выражается и на акциональном уровне.

Несколько иначе функционирует зафиксированный в старообрядческом сообществе запрет смотреть на покойника:

Нельзя не то, что подходить к покойнику, нельзя было на покойника глядеть, нельзя было... [– Именно беременной?] – Именно беременной. Как все это остерегались, что... все так было, как сказать... не знаю, как по-русски Вам сказать. Не могу, не приходит сейчас в голову. Все как остерегались, что это... все думали, чтоб что-нибудь гадкое не было, чтоб дитенку что-нибудь не получилось, чтоб дитенок калекой не родился. К этому (ПМА 1: Р.Е.Я.).

Как говорили, что недостойно ей (беременной женщине. – *Н.Д.*) мертвецов глядеть, и дух от мертвеца, то есть если этот мертвец бывает, то дух от него тяжелый бывает, да, дух. [– Чтоб ее не затронул, да?] – Да, да, да (ПМА 1: Р.Е.Я.).

[– Смотреть на покойника не говорили, что нельзя беременной?] Ш.А.И: – Ну так... Да, было такое, что не надо, бо... П.С.В: – Было такое, да? Ш.А.И: – Было, было. Да. “Она, – говорит, – беременная. Вот нельзя, не гляди”. Было. [– А почему, а как объясняли?] – Чего нельзя... А чего нельзя было глядеть? Не могу ответить на этот вопрос, не знаю, миленькие мои (ПМА 2: Ш.А.И., П.С.В.).

В правиле отсутствует четкая мотивировка, однако при этом очевиден страх перед негативными последствиями от встречи с “духом” покойника. Известен широко распространенный запрет смотреть на умершего через окно, который актуален не только для будущих матерей, но и для любого человека. Можно предположить, что в данном случае этот запрет усиливается, поскольку беременность сама по себе рассматривается как опасное пограничное состояние. Тем не менее этому правилу следуют далеко не всегда:

[– А беременной можно было смотреть на покойника?] – Нежелательно, но ходили, провожали, даже, вот, когда мать умрет (ПМА 2: Д.О.Е., К.).

Регламентируется поведение не только будущей матери, но и ее окружения:

Ну, еще такая примета, что если у беременной женщины... если беременная женщина что-то попросит кого-то, нельзя ей отказывать, потому что мышка или... пострадает одежда (ПМА 2: Х.Т.А.).

Все, что она просит, все надо ей дать. Беременной. Вот, что она хочет, поест чистое, и просит – обязательно. Вот только придет, если только не дай, говорит: “Ооой, беременная просила, и не дали, догони скорей, дай ей что-нибудь: она беременная, ей надо дать. Все надо дать ей”. <...> У нас цыгане это узнали, они ж ходят, да все время по на хате просят, и как какая придет, так: “Я беременная, дай-те мне”. Они узнали, что беременным дают, да: “Дайте мне, я беременная” (ПМА 2: С.А.Е.).

Как окружающие, так и сама беременная женщина пытались определить заранее пол будущего ребенка. Повсеместно зафиксировано гадание по форме живота, реже информанты вспоминают и другие способы:

[– Пытались ли как-то гадать, какой будет: мальчик или девочка? – Да, пытались. Разные были у их способа. Много по животу угадывали, что если живот остренький, говорили, что будет сын, если кругленький – говорили, что будет дочь. А оне иголкой с нитки давали нечаянно женщине, и на че она руку покладет – если покладет на острие, будет мальчик, а если на нитку, то будет девочка (ПМА 1: Р.Е.Я.).

Говорили, что, вроде, когда девочка, да остро, наверно, живот дуже острый, дуже много той... заметно, а не знаю. Не понимали мы тогда ничего (ПМА 1: М.У.Н.). Ну, вот, последний, там, месяц, допустим, если живот такой вот идет округленный, и он так держится, кругло – значит, это будет девочка. Если живот острый как-то выходит вот так – это значит, будет мальчик, да (ПМА 2: Х.Т.А.).

[– А как гадают о том, мальчик будет или девочка?] Ш.А.И: – Ну не гадали. А так бабки говорили: “Вот живот если острый, большой, то хлопчик будет”. П.С.В: – Ааа, да, да, вспоминаю. Ш.А.И: – Помнишь? П.С.В: – Да, да, да. Ш.А.И: – А если маленький, то девочка. Так они. Сейчас-то аппараты проверяют, а раньше... (ПМА 2: Ш.А.И., П.С.В.).

Только говорили... это теперь УЗИ проходят да знают, а тогда как могли знать? Только определяли: “Если бьется, – говорят, – в правую сторону, значит, будет мальчик, если в левую – девочка”. Так только женщины... (ПМА 2: С.А.Е.).

[– А как понимали, будет мальчик или девочка? Когда беременная женщина?] Д.О.Е: – Ну, девочка – круглый живот; мальчик ... [– Острый?] – Ну, острый. К: – Не-а, еще есть такое, когда я вышла за первого мужа замуж, и там соседка была, Лена, тоже она третьим ходила, и живот – восемь месяцев, вот-вот должна рожать. И я взяла... Сели за стол, соседи, я, Петя, его мама, сестра тоже... А я слышала это, что я взяла щепотку соли и на голову насыпала, и я знала, кто родится. Если женщина берет за лицо вот так как бы, значит, девочка, если за половинку, значит, мальчик. [– Если за что?] К: – За половинку – значит, мальчик. [– Это пока соль на голове?] – Да-да. [– Интересно, первый раз такое слышу]. Д.О.Е: – Я сама первый раз слышу. [– А давно это... когда это? Лет десять?] Д.О.Е: – Это было у хохлов, наверно, да? К: – Да. Д.О.Е: – А мы говорим за кацапов. К: – И кацапы так... Д.О.Е: – Вот еще случай был. Если возьмется мужчина за живот, ну, как бы нечаянно. Ну, пришел сосед и знает: “Привет!” Раз – и вот так потрогал – значит, мальчик, если женщина – значит, девочка. Вот такую примету я помню. Кто первый за живот возьмет, и как бы... А насчет соли – это только у хохлов, у нас, кацапов, нет такого. К: – Ну, я жила у молдаван, и я сделала это по-кацапски (ПМА 2: Д.О.Е., К.).

Последний фрагмент интервью демонстрирует взаимодействие и даже своего рода конкуренцию вернакулярных практик и передачу знания: девушка (29 лет), вышедшая замуж за представителя другой этнической общности, знает и следует практике, распространенной среди соседнего иноэтничного населения. Далее происходит присваивание этой практики и ее дальнейшая передача как своей, “кацапской”. С другой стороны, у женщины постарше (55 лет) эта практика вызывает отторжение как незнакомая, чуждая ей, и она в ответ транслирует знание об аналогичной практике из своей традиции.

Таким образом, о поле будущего ребенка старообрядцы гадали по форме живота, по стороне, в которую бился ребенок, по полу человека, который первым дотронется до живота матери; также зафиксированы гадания при помощи иголки с ниткой (с. Журиловка), соли (с. Кунича).

Роды. До появления в селах больниц женщины рожали (“приносили детей”) в бане или в отдельной комнате (“в хате”) с помощью бабки-повитухи. Записан целый ряд личных нарративов о родах во время полевых работ (см.: База данных б.г.). После открытия в поселениях, где проходили исследования, первых официальных медицинских учреждений в 1960-е годы, женщины еще долгое время (в селах вплоть до 1980-х годов) предпочитали рожать при помощи повивальной бабки, а не звать акушерку или обращаться в больницы. Показательно, что, когда квалифицированная медицинская помощь все же вытеснила институт повитушества в деле родовспоможения, бабки стали выполнять другие функции (напр., ухаживали за матерью и младенцем после родов, защищали ребенка от сглаза).

Для старообрядцев Румынии важна была изоляция роженицы (“родихи”) от семьи во время родов, причем мужчины не допускались не только в то помещение, где женщина рожала, но нередко и в сам дом:

В бане рожали, но мы не в бане. Уже была у нас, в дом. Да, я уже ходила со своими детьми, а мамка вот мою эту сестренку... меня, одиннадцать лет меньше меня, у соседки в бане, не у меня. Мы же были большие уже, а мамка пошла к тетке Анне, соседке. Там тетка Анна баню протопила, бабку покликali, там она терла ее, там она ее (нрзбр. – *Н.Д.*), и там она приносила (ПМА 1: М.У.Н.).

И были мы у моего отца в гостях. Гости, как называются. Ну, я была в положении. И ще не знала... Родила уже одного, а еще не знала толку добре. Ой, Господи! И не пошла с вечера домой с мужем, а осталась ночевать у мамы. А там было два брата. Один сорокового года, а другой сорок третьего. И тут стал приступ у меня ночью. Мама говорит: “Дочечка, два хлопца. Как ж ты тут будешь?” И у ей тоже было после, и она плакала и каялась, но главное то, что тогда Бог разум отнял. Она взяла меня проводила самую домой. Ой, а это было далеко... (ПМА 2: И.Е.Р.).

Во время родов при роженице могли находиться только бабка-повитуха и женщины (сестра, соседка), которые помогали бабке. Присутствие мужа и детей категорически воспрещалось. Каких-либо других рекомендаций в отношении поведения мужа как во время родов, так и во время беременности жены зафиксировано не было.

Чтобы обеспечить более легкие роды, женщина должна была скрывать их наступление от своей матери: “...дочь идет рожать, она не должна матери родной говорить, потому что по крови передаются вот эти тонусы боли ее, и – если мама знает – ей еще тяжелее рожать” (ПМА 2: М.Е.А.).

Для облегчения родов читали молитвы, в доме зажигали лампадку, прикасаться к которой самой роженице было запрещено. Во время особенно тяжелых родов будущая мать для облегчения просила прощения у Бога и у родственников (“если прощения попросит, то легче роды будут итить”). Во всех поселениях, в которых проводились исследования, распространены представления о том, что при тяжелых родах помогает Федоровская икона Божьей Матери:

Федоровская Богородица. Она от родов. И просили ее, чтоб Федоровская Богородица помогла ей в родах, чтоб родила ребенка здорового, чтоб скапала (от рум. *a scăpa* – избавлять. – *Н.Д.*) муки. Да, просили Федоровскую Богородицу, это была для родов. Она и сейчас. Кто беременный, дает свечку на Федоровской Богородице (ПМА 1: Р.Е.Я.).

[– А может, молитвы какие специальные для этого?] – Ну, есть канон Богородицы Федоровской, читается в первую очередь (ПМА 2: М.Е.А.).

Эта Богородица Федоровская, она, говорят, есть в Москве, там одну женщину от родов спасла. В Москве. И от России, оттыдова к нам пришло эта вся, это вот (ПМА 1: С.П.И.).

В третьем фрагменте подчеркивается связь локальных представлений с традициями исторической родины, что среди старообрядцев рассматривается как верность своего рода эталону.

Кроме роженицы и бабки-повитухи, молитву для облегчения родов могли творить все члены семьи: “Мама рассказывала, кто был дома, все становились и молились, чтобы... [– Чтобы хорошо прошли роды?] – Да, да, потому что очень много женщин умирали при родах” (ПМА 2: Х.Т.А.).

В старообрядческой среде наблюдается неоднозначное отношение к распространенному предписанию распустать волосы для облегчения родов. Даже в рамках одной локальной традиции можно проследить конфликт представлений с различными вариантами мотивировок запрета:

Так, чтоб легче, а то если, там, скованные, сплетенные, тяжело. Было, было, есть такие. Бабушка говорила: “*Надо распустить, чтоб легче, скорее родила* (курсив мой. – *Н.Д.*)” (ПМА 2: Ш.А.И.).

[– У вас не было такого... а вот, чтоб волосы распущенные были, чтоб узлов на одежде не было, такое соблюдали?] – Ну, так это девицы только... [– Нет, во время родов роженице чтобы распустить волосы?] – Нет, нет, нет, *если венчаная, нет, нельзя распустать* (курсив мой. – *Н.Д.*). [– И рожала с косами?] – И даже завязывали, чтоб волос не видно было. [– Во время родов?] – Да! [– Ничего себе...] – Вот завязывали, чтоб совсем волос не видно было. Нам же вычитывают, когда венчают, мают венчать, там батюшка вычитывает, что покройте голову. Чтоб волосы не было. Вот говорят: “Глядите на Богородицу, как Богородица покрытая, так должны...” [– И в платке рожала?] – Да (ПМА 2: С.А.Е.).

Как видно из второго примера, на первый план выходит профессиональный компонент, который формирует запрет распустать волосы во время родов. Из менее распространенных правил были зафиксированы запреты на ношение украшений во время родов: “Но чтоб серьги не были, чтоб в серьгах не была, чтоб кольца на руке не было или браслета какого” (ПМА 2: И.Е.Р.).

После завершения родов важным считалось закопать в землю, символически “похоронить” детское место (плаценту), которое воспринимается как двойник ребенка и/или матери (см. подробнее: *Кабакова 2009: 200*):

С плацентой, кольки я помню и знаю, я от старых слыхала, что закапывали. [– Закапывали, да?] – Закапывали в землю. [– Во дворе или где-то?] – В огороде. В огороде закапывали в землю. Так, я знаю, так говорили старые, что *не можно ее было так куды-нибудь выкинуть* (курсив мой. – *Н.Д.*), а закапывали в землю, и она там сгниет (ПМА 1 – Р.Е.Я.).

Бабушка брала тая, что принимала роды, а в роддоме я уже была – не знаю, что они сделали, а это вот, как мне с поля... Она... вышло место, и она говорит: “Выкопайте ямку большую и *закопать, чтобы собаки его не съели* (курсив мой. – *Н.Д.*)”. Вот, это место. Вот это-то я помню (ПМА 2: Б.А.Т.).

Вот бабка ждет, когда уже она знала, там, уже чтобы очистить роженицу, прибрать, место выходило. “Место” называется. [– А что потом с ним делали?] – Зарывала бабушка. [– В землю?] – Да, в землю. [– А где: во дворе или подальше?] – Ну, там, где никто не ходит, зарывали (курсив мой. – Н.Д.) (ПМА 2: Ш.А.И.).

Особые ритуальные действия совершались и с пуповиной, но, в отличие от плаценты, кусочек пуповины часто хранили в доме:

Моя мама дома только родила моего брата, а Ира родила или дома, не, в больнице, она родила, и она сказала, чтобы эту пуповину сохранить, чтобы она забрала. И мне было чи двадцать семь, чи двадцать шесть лет, и она мне показывала эту пуповину, она делается как резина. [– А она зачем хранится?] – Это для счастья девочки, как раньше... [– А где ее хранят в доме? В специальном месте? Или как придется?] – Чтобы никто не нашел. [– Чтобы никто не нашел?] – Да, чтобы только мать знала, где она лежит (ПМА 2: К.).

[– А хранили кусочек пуповины или нет?] – Да, хранили. Ее завязывали и клали ее у... заворачивали у... как зияры (рум. газета. – Н.Д.) раньше были, заворачивали у зияры и завязывали и клали ее на сохранение куды-нибудь. Она там сама собой усыхала, и когда вырастет большой детенок и будет итить в школу, и они ему давали, разворачивали с отыдова, она уже ссохшая была, и давали ему, чтоб он ее развязал. Если он ее развязал, то называется, что будет учиться в школе и будет умный, а если попробовал-попробовал и не смог, кинул, ну это ни к чему не будет годный. Так говорили. А если есть хоть из больших людей, хоть и с малых детей, есть за че-нибудь, как я: мне если пунгу (рум. сумочка. – Н.Д.) завязали нейлоновую, я если трошки гата не иду, я ее порвала и гата (рум. готово, все. – Н.Д.), я не маю рэбдарю (рум. терпение. – Н.Д.), чтобы ее развязать. Так и этот пуп, так был. Так было, так было это. Говорили так: если, поглядим, будет умный чи не будет, будет учиться в школе? Если он амбицию поклает и развяжет – и много развязывали, а много: “А я не могу”, – и кинул. Да. [– Сразу и характер видно.] – Да, сразу и характер. Поэтому и считали, что той будет умный, а той не будет умный, той будет учиться, той достигнет куда-то. Так было. Так предметы это были. [– А где хранили в доме, прятали где-то?] В доме где-нибудь хранили на полке на какой, где-нибудь на горе, чтоб никто там не лазил, чтоб не... мышка ее не поела, где-нибудь у ящичек маленький у какой-нибудь клали, чтоб никто за него не знал. Мамка знала. И когда он, детенок, вырос большой уже в школу итить, и тогда она брала с отыдова и давала ему (ПМА 1: Р.Е.Я.).

Во всех интервью отмечается, что кусочек пуповины хранился в доме в укромном месте, о котором знала только мать, – “на счастье” ребенка. Обратим внимание на актуальность этой практики: о ней в интервью рассказывает молодая женщина 29 лет. Другой причиной для хранения пуповины выступает проверка характера на переходном этапе, когда ребенок должен идти в школу: если он справится с испытанием, его ждет успех в жизни. Подчеркнем, что не все опрошенные женщины осведомлены об этом или прибегали к подобной практике.

Интерес представляет следующий фрагмент интервью, в котором не только приводится экспликация информантом ритуальных действий, но и видно взаимодействие двух моделей поведения – так наз. традиционной (когда женщины рожали дома, а о плаценте и пуповине заботилась бабка-повитуха и/или мать) и современной (роды в роддоме, уход медсестер за роженицей):

М.Е.А: – Я, когда высохла, я им (в роддоме. – Н.Д.) сказала на пятый день: “Вы мне возвратите, пожалуйста, в узелочек моей пуповины”. Я всем детям забирала с роддома. [– А зачем?] – И когда они шли в первый класс, я им давала, они развязывали. Они, вот, сколько узелков завязали, а я, сколько сидела в роддоме, еще... я до конца завязала узлы, вот эти... как, что там тесемкой вот этой, что они даже нитью, вот этой, что даже операции зашивают, они вот этой потом

перерезают. Ну, ты же знаешь. Не буду же врать. Я ж тоже память имею. Ну как. Уже забываю кое-что. И я сидела и думаю: “Дай я навяжу узлов, мама как бы своей рукой, а они пусть, когда они...” Вот они хорошо учились, и я благодарна богу. Это надо. Я учла. Это мама моя так делала, и вот мне сказала, что... С.Е.О: – Вот это ты пуповину говоришь, ты пуповину говоришь, вот теперь я поняла, что была пуповина обмотанная? М.Е.А: – Да, она сняла. Нет, они то забрали. Они сдавали. Нет, нет – они то забирают. Я спрашивала у них, бо я хотела забрать и закопать, как, вот, по-христиански, как раньше. А она говорит: “Нет, мы отчитываемся” (ПМА 2: С.Е.О., М.Е.А.).

Здесь знание традиции и желание женщины забрать из роддома плаценту “и закопать, как, вот, по-христиански, как раньше” сталкивается с правилами, принятыми в родильных домах. Компромиссом между двумя моделями поведения выступает в рассматриваемом случае возможность забрать из роддома пуповину, что женщина делала после каждых своих родов.

Послеродовое очищение. Следующим важным этапом, который сопровождается целым рядом ритуальных действий, является послеродовое очищение. Традиционно, как свидетельствуют полевые материалы, через него должны были пройти не только роженица и младенец, но и бабка-повитуха, а также все те, кто мог присутствовать при родах или навещал роженицу до крещения ребенка или очистительной молитвы, пока мать и новорожденный считались нечистыми:

Так говорили, что родиха поганая, за это и не можно было... Вот если восемь ден не прошло, никто не мал праву заходить в тую комнату, где она с ребенком, покамест он, восемь ден не прошло и покамест он непокрещеный. Считали, что это поганство. И кто зашел туды до восьми ден, надо было у батюшки молитву брать и тогда мог итить в церкву, а так не мог ни в церкву, никуда итить. Считали, что поганое (ПМА 1: Р.Е.Я.).

Грешно, грех считали, чтоб на люди не уходила, чтоб люди ее не видали. Чтоб сидела. Аж когда молитву сороковую возьмет на сорок ден, аж тогда она... тогда уже приходят на родины, приносят, там, маленькому сахарку, зятинцу, калачиков, там, чего, одежонку какую. А до сорок ден не мает права ничего делать, покамест молитву сороковую не возьмет, батюшка вычитает – и вот тогда она уже чистая, может тогда заходить, приходиться (ПМА 1: М.У.Н.).

А когда кто-то приходит до восьмого дня глядеть детенка, называется, она же родила, там тогда как погань. Я не знаю, чего они говорят, что погань. [– Да, да, да.] – И тогда записывают на одном листу и пытаются: “Кто у тебя еще был?” – “Да той” – “А кто еще?” – “И той, и той”. И он, когда батюшка вычитает еще молитву... Приходит батюшка домой. Когда детенка в бане помыли, и придет домой и вычитает молитву. И тогда и тех людей помянет, какие в хате были (ПМА 1: С.П.И.).

Если роды проходили в доме, то необходимо было провести ритуал очищения не только матери, младенца, бабки-повитухи и людей, которые присутствовали при этом или навещали роженицу в первые дни после родов, но и жилища, в котором все происходило. Так, в селах Сарикей и Кунича в дом приходил священник и совершал очищение пространства:

[– А в доме – это не грех считалось рожать?] – Не. Потом батюшка приходил, молитву в дом давал на сороковой день. И кропил, вычитывал молитву, где роженица была (ПМА 2: Ш.А.И.).

[– А батюшка потом приходит в дом, чтобы дать молитву роженице и окадить дом?] – Раньше, раньше приходил, сразу даже, вот на второй день, как родит, даже сразу батюшка приходил, давал... читал молитву, прыскал водой, и все (ПМА 2: С.А.Е.).

На сороковой день после родов повсеместно принято, чтобы молодая мать шла в церковь с ребенком и брала очистительную (“сороковую”) молитву. После этого заканчивался период ее социальной изоляции, разрешалось праздновать рождение ребенка – проводились “родины”. В отношении данного предписания в настоящее время существует расхождение между правилом и практикой: о правиле знают все опрошенные женщины, однако полностью следуют ему лишь некоторые:

Может быть, это будет, пройдет не сорок дней, а тридцать, пойдет женщина под молитву. Батюшка будет отчитывать. Не обязательно-таки после сорокового дня. Можно и до сорокового (ПМА 2: Х.Т.А.).

...но если молитву... если батюшка вычитает молитву, значит, можно. [– А ее разве можно до сорокового дня вычитать?] – Можно. Я ж говорю, раньше было более строже (ПМА 3: Л.З.А.).

Тем не менее осведомленность о правиле подтверждается и апелляцией к религиозному знанию:

[– Сорок дней нельзя было ходить в церкву потом?] – Да, нельзя было ходить в церкву, заходить. А когда уже пройдет сорок дней, тогда уже к батюшке шли под молитву. Батюшка брал этого ребеночка, если мальчик – заносил в алтарь, а если девочка – лишь до алтаря, и тамotka вот он. [– А почему именно сорок дней? Что в эти дни?] – Ну, это вот как сорок дней было Богородице, она ж как... Отец Симеон, Богоприимица Анна, Анна Богоприимица, когда пришли на Сретение, это было сорок дней тогда. Вот. И он, отец Симеон, принял младенца Христа на руки (ПМА 2: И.Е.Р.).

До принятия очистительной молитвы на действия родившей женщины (считающейся нечистой) налагается большое количество запретов. Во всех поселениях, где проводились исследования, распространено знание о запрете ходить за водой / подходить к колодцу и выходить на улицу за пределы своего двора:

До сорок ден чтоб она не ходила ни воды не тянула, никуда. Грешно, грех считали, чтоб на люди не уходила, чтоб люди ее не видали. Чтоб сидела. Аж когда молитву сороковую возьмет на сорок ден, аж тогда она... (ПМА 1: М.У.Н.).

До сорокового дня не положено итить ни воды в колодец, никуда нельзя. [– По воду нельзя роженице ийти?] – Нет. Не положено. Аж когда молитву прочитает. Нельзя. Закон такой это... (ПМА 2: Ш.А.И.).

...она, во-первых, до сорокадневной молитвы не должна ни воду брать, у нас... и под крест не подходить, и в церкву, это самое... и выходить как бы. Будем мы так прямо говорить: там есть определенные такие правила, которые... многое ей запрещается. Так оно и есть, ну же... а потом, когда... [– То есть даже из дома лучше не выходить?] – Конечно. После очистительных молитв, после сорокового дня – на сороковой день есть молитва, когда она приходит в храм, священник там отчитывает эту молитву и... все (ПМА 2: К.Ф.И.).

Вот когда родила, нельзя подходить (к колодцу) до шесть недель. Да. Она вот как... [– До сих пор соблюдается?] – Да. Нуу, я знаю, мы ж не проверяем всех. Мы всех не проверяем, но так вот говорится, чтоб желательно не ходили (ПМА 4: Ф.П.Т.).

По словам информантов, этот запрет часто нарушается, о чем сообщают священнику на исповеди:

[– А пока еще не прошло сорок дней, она могла выходить из дома?] – Ну, конечно, могла, только воды нельзя было, ийти к колодцу. [– Остальное можно было?] – Остальное было можно. [– А почему воды нельзя?] – Ну, за то, что она как еще не

очистилась, еще не чистая. [— И могла загрязнить колодец или как?] — Ну как, она не могла, но это вот такое предсказание было, а кто знает, как оно. Ну, я грешная. Я помылася, прошло сколько. Мужа нема, воды надо, в колодец. Дома ж не было воды проведено. А если я готовлю что-то или стираю, вода надо. Кто мне принесет? Я и шла, брала, а потом, когда шла на исповедь, я батюшке признавалась. Говорила, что “грешная, отец, я. Я вот ходила, ходила водичку брала еще до сорок дней”. — “Ну, что ж”. Налаживал, там, епитимью какую, сколько помолиться, и говорил: “Ну, от меня Бог простит, но надо покаяться, надо помолиться” (ПМА 2: И.Е.Р).

Кроме этого, роженице было запрещено контактировать с сакральным:

Ну, в церкву нельзя заходить, в храм, ничто... Свечки, лампы светить нельзя. Бога нельзя касаться. Когда аж молитву батюшка прочитает, сорок дней, тогда. В сороковой день он... Тоже чего в сороковой день читается молитва? Сороковая — это точно в той день надо итить. Очищается человек (ПМА 2: Ш.А.И).

Лампатик горит все время. [— Пока рожает?] — Пока рожает, хоть и после горит он, не только рождает, но роженица не касается к святому, иконы и... [— До сорока дня?] До сорокового дня, да. Не касается, как сороковую молитву батюшка вычитает, так тогда пускает... (ПМА 2: С.А.Е.).

После ритуального очишения все перечисленные запреты с женщины снимались.

Традиционные практики в современных условиях. Анализ полевых материалов, собранных в 2015–2016 гг., позволяет говорить об актуальном воспроизводстве целого ряда традиционных практик и сохранности многочисленных вернакулярных представлений, связанных с деторождением: от моделирования поведения будущей матери до программирования судьбы новорожденного. Следует отметить важную роль конфессионального компонента в родильной обрядности староверов (икона и молитвы для облегчения родов, запрет контактировать с сакральным, мотивировки запретов, связанные с религиозными представлениями). В качестве общего знания среди женщин всех возрастов функционируют представления о необходимости соблюдения ритуальной чистоты, наиболее ярко проявляющиеся на таком этапе родового процесса, как послеродовое очищение.

Молодое поколение в неизменном виде воспроизводит ряд мифологических представлений и ритуальных практик, перешедших от старших поколений. К этой группе относятся запреты и предписания в поведении беременной женщины. Появление больниц в селах в 1960-х годах, доступность медицинских услуг в городах привели к отказу молодежи от таких традиционных обрядов, как, например, захоронение плаценты, что способствует утрате знания о неактуальной практике. Повышение уровня открытости старообрядческих сообществ, менее строгая изоляция от иноэтничных и иноконфессиональных соседей на современном этапе привели к освоению некоторых представлений и практик, до середины 1980-х гг. не распространенных среди старообрядцев (напр., гадания на пол будущего ребенка). Наконец, для современных старообрядцев характерно знание об элементах обряда, который на акциональном уровне соблюдается в настоящее время не так строго и последовательно, как это было у прошлых поколений (послеродовое очищение).

Некоторые сегменты “вернакулярного знания” функционируют сегодня в виде взаимоисключающих, конкурирующих запретов и предписаний, которые наделяются различными мотивировками (напр., в отношении поведения женщины во время родов), опирающимися на конфессиональные и бытовые представления. Показательно то, что взаимодействие различных культурных правил и норм происходит не только и не столько на уровне сопоставления практик и представлений в разных поселениях ареала, сколько в рамках каждой отдельной локальной традиции.

Источники и материалы

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Румынию, уезд Тулча. Июль 2016 г. (информанты: М.У.Н., 1942 г.р.; С.П.И., 1953 г.р. [с. Сарикей]; Р.Е.Я., 1953 г.р. [с. Журиловка]).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Молдову. Август 2016 г. (информанты: Д.О.Е., 1961 г.р.; П.С.В., 1951 г.р.; Ш.А.И., 1947 г.р.; С.Е.О., 1940 г.р.; С.А.Е., 1931 г.р.; К., 1987 г.р.; М.Е.А., 1951 г.р. [с. Кунича]; Х.Т.А., 1950 г.р.; Б.А.Т., 1940 г.р.; И.Е.Р., 1926 г.р.; К.Ф.И., 1959 г.р. [с. Старая Добруджа]).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Молдову, Приднестровье, г. Бендеры. Август 2015 г. (информант: Л.З.А., 1949 г.р.).
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Молдову, г. Единцы. Август 2015 г. (информант: Ф.П.Т., 1955 г.р.).
- База данных б.г. – Родильно-крестильная обрядность старообрядцев Северо-Западного Причерноморья (база данных). <http://eurasianphonology.info/static/childbirth/> (дата обращения: 15.01.2017)

Научная литература

- Асланова Е.В. Обряды жизненного цикла старообрядцев-липован Астраханской области (родильно-крестильные и похоронно-поминальные). Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2010.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 9–30.
- Белоусова Е.А. Родильный обряд // Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 339–369.
- Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 61–78.
- Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиции 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2001. С. 92–106.
- Захарченко (Стоянова) Г.Н. Ритуалы, сопровождающие рождение детей в липованской традиционной культуре Придунавья // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. I // Ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса, 2004. С. 115–118.
- Захарченко Г.Н., Петрова Е.В. Первый год жизни в народно-религиозной практике липован // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 2 // Ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса, 2005. С. 157–160.
- Кабакова Г.И. Послед // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. С. 200–202.
- Красовски А. Обряды, обычаи и верования русских липован, связанные с рождением и крещением // Культура русских старообрядцев в национальном и международном контексте. 2001. Вып. 3. С. 250–256.
- Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка, у русских западных областей РСФСР // Полевые исследования Института этнографии. 1982 / Отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1986. С. 60–68.
- Стоянова Г.Н., Троцык А.Г. Специфика послеродового обрядового цикла у липован // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. III // Ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса, 2006. С. 151–154.
- Толстая С.М. Беременность, беременная женщина // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995. С. 160–164.
- Троцык А.Г. Повитуха в старообрядческой общине на Дунае // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 2 / Ред.-сост. А.А. Пригарин. Одесса, 2005. С. 155–156.

- Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения / Ред. А.К. Байбурун. Л.: Наука, 1985. С. 154–178.
- Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры / Отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1987. С. 396–416.
- Щепанская Т.Б. Мир и миф материнства. Санкт-Петербург, 1990-е годы (Очерки женских традиций и фольклора) // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 15–27.
- Ipatiov F. Ruşii lipoveni din România. Studiu de geografie umană. Cluj-Napoca: Editura Presa Universitară Clujeană, 2002.
- Jordan B. Authoritative Knowledge and Its Construction // Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives / Eds. R.E. Davis-Floyd, C.F. Sargent. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 55–79.
- Leavitt J.W. Make Room for Daddy: The Journey from Waiting Room to Birthing Room. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2009.
- Oakley A. The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
- Primiano L.N. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife // Western Folklore. 1995. Vol. 54. № 1. P. 37–56.
- Tudose P. Ruşii lipoveni din România – istorie și actualitate. Comunitatea ruşilor lipoveni din Brăila – model de conviețuire multiethnică în context național și european. București: Editura C.R.L.R., 2015.

Research Article

Dushakova, N.S. Birth Rites among the Old Believers of the North-West Black Sea Region: Current Vernacular Beliefs [Rodil'naia obriadnost' staroobriadtsev Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia: aktual'nye vernakuliarnye predstavleniia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 133–150. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Natalia Dushakova | <http://orcid.org/0000-0003-4486-5367> | nataliadusacova@gmail.com | Moscow School of Social and Economic Sciences (82 Prospekt Vernadskogo, Bldg 2, Moscow, 119571, Russia)

Keywords

Old Believers, prohibitions, prescriptions, vernacular beliefs, current practices, birth rite, pregnancy, postpartum cleansing, Moldova, Romania

Abstract

The article is based on field data collected among Old Believers in the Republic of Moldova and Romania. The paper deals with current vernacular beliefs related to the preparation for childbirth, pregnancy, delivery and postpartum ritual cleansing of the new mother and child. The author analyzes how numerous prohibitions and prescriptions regulating the behavior of the participants of birth rite function in culture and interact, how traditional models of behavior influence current practices of giving birth in the communities of Old Believers.

DOI: 10.7868/S0869541518030107

References

- Arslanova, E.V. 2010. *Obriady zhiznennogo tsikla staroobriadtsev-lipovan Astrakhanskoi oblasti (rodil'no-krestil'nye i pokhoronno-pominal'nye)* [Rites of the Life Cycle of Old Believers-Lipovans of Astrakhan Oblast' (Birth-Christianing and Funeral)]. Astrakhan': Izdatel'stvo Sorokin R.V.
- Baiburin, A.K. 1993. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka.
- Baranov, D.A. 2001. Rodinnyi obriad: vremia, prostranstvo, dvizhenie [Birth Rite: Time, Space, Movement]. In *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiakh narodnoi kul'tury* [Birth, Children, Midwives

- in the Traditions of Folk Culture], edited by E.A. Belousova and S. Yu. Nekliudov, 9–30. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Belousova, E.A. 2003. Rodil'nyi obriad [Birth Rite]. In *Sovremennii gorodskoi fol'klor* [Contemporary Urban Folklore], edited by S. Yu. Nekliudov, 339–369. Moscow: RGGU.
- Chistov, K.V. 1987. Semeinye obriady i obriadovy fol'klor [Family Rites and Ritual Folklore]. In *Etnografiia vostochnykh slavian: ocherki traditsionnoi kul'tury* [Ethnography of East Slavs: Sketches of Traditional Culture], edited by K.V. Chistov, 396–416. Moscow: Nauka.
- Dobvol'skaia, V.E. 2001. Institut povival'nykh babok i rodil'no-krestil'naia obriadnost' (po materialam ekspeditsii 1994–1997 gg. v Sudogodskii raion Vladimirskoi oblasti) [Institution of Midwifery and Birth-Christening Rites (Based on the Materials of the Expedition of 1994–1997 in Sudogodskiy Region of Vladimirskaya Oblasti)]. In *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiakh narodnoi kul'tury* [Birth, Children, Midwives in the Traditions of Folk Culture], edited by E.A. Belousova and S. Yu. Nekliudov, 92–106. Moscow: RGGU.
- Ipatiov, F. 2002. *Rușii lipoveni din România. Studiu de geografie umană* [Russian Lipovans from Romania. Studies in Human Geography]. Cluj-Napoca: Editura Presa Universitară Clujeană.
- Jordan, B. 1997. Authoritative Knowledge and Its Construction. In *Childbirth and Authoritative Knowledge: Cross-Cultural Perspectives*, edited by R.E. Davis-Floyd and C.F. Sargent, 55–79. Berkeley: University of California Press.
- Kabakova, G.I. 2009. Posled [Placenta]. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], edited by N.I. Tolstoy, 4: 200–202. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Krasovski, A. 2001. Obriady, obyčaj i verovaniiia russkikh lipovan, sviazannye s rozhdeniem i kreshcheniem [Rites, Customs and Beliefs of Russian Lipovans Concerning Birth and Christening]. *Kul'tura russkikh staroobriadtsev v national'nom i mezhdunarodnom kontekste* 3: 250–256.
- Leavitt, J.W. 2009. *Make Room for Daddy: The Journey from Waiting Room to Birthing Room*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Listova, T.A. 1986. Obriady i obyčaj, sviazannye s rozhdeniem rebenka, u russkikh zapadnykh oblastei RSFSR [Rites and Customs Concerning Childbirth among Russians of Western Regions of RSFSR]. In *Polevye issledovaniia Instituta etnografii. 1982*, edited by S.I. Vainshtein, 60–68. Moscow: Nauka.
- Oakley, A. 1984. *The Captured Womb: A History of the Medical Care of Pregnant Women*. Oxford: Basil Blackwell.
- Primiano, L.N. 1995. Vernacular Religion and the Search for Method in Religious Folklife. *Western Folklore* 54 (1): 37–56.
- Shchepanskaia, T.B. 1994. Mir i mif materinstva. Sankt-Peterburg, 1990-e gody (Ocherki zhenskikh traditsii i fol'klora) [The World and the Myth of Motherhood. St. Petersburg, in the 1990's (Essays on Women's Traditions and Folklore)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 15–27.
- Stoianova, G.N., and A.G. Trotsyk. 2006. Spetsifika poslerodovogo obriadovogo tsikla u lipovan [Specificity of the Postnatal Ritual Cycle among Lipovans]. In *Lipovane: istoriia i kul'tura russkikh staroobriadtsev* [Lipovans: History and Culture of Russian Old Believers], edited by A.A. Prigarin, 3: 151–154. Odessa.
- Tolstaia, S.M. Beremennost', beremennaia zhenshchina [Pregnancy, Pregnant Woman]. 1995. In *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar' T. 1* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. Vol. 1], edited by N.I. Tolstoy, 160–164. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Trotsyk, A.G. 2005. Povitukha v staroobriadcheskoi obshchine na Dunae [Midwife in an Old Believer Community on the Danube]. In *Lipovane: istoriia i kul'tura russkikh staroobriadtsev* [Lipovans: History and Culture of Russian Old Believers], edited by A.A. Prigarin, 2: 155–156. Odessa.
- Tsiv'ian, T.V. 1985. Mifologicheskoe programmirovaniie povsednevnoi zhizni [Mythological Programming of the Everyday Life]. In *Etnicheskie stereotipy povedeniia* [Ethnic Stereotypes of Behaviour], edited by A.K. Baiburin, 154–178. Leningrad: Nauka.
- Tudose, P. 2015. *Rușii lipoveni din România – istorie și actualitate. Comunitatea rușilor lipoveni din Brăila – model de conviețuire multiethnică în context național și european* [Russian Lipovans from Romania – History and Contemporaneity. The Community of Russian Lipovans from Braila – a Model of Multiethnic Cohabitation in National and European Context]. București: Editura C.R.L.R.

- Vlaskina, T. Yu. 2001. Mifologicheskii tekst rodin [Mythological Text of Birthing]. In *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiakh narodnoi kul'tury* [Birth, Children, Midwives in the Traditions of Folk Culture], edited by E.A. Belousova and S. Yu. Nekliudov, 61–78. Moscow: RGGU.
- Zakharchenko (Stoianova), G.N. 2004. Ritualy, soprovozhdaiushchie rozhdenie detei v lipovanskoj traditsionnoi kul'ture Pridunav'ia [Rituals of Child Birthing in the Lipovan Traditional Culture of the Danube Area]. In *Lipovane: istoriia i kul'tura russkikh-starobriadtsev* [Lipovans: History and Culture of Russian Old Believers], edited by A.A. Prigarin, I: 115–118. Odessa.
- Zakharchenko, G.N., and E.V. Petrova. 2005. Pervyi god zhizni v narodno-religioznoi praktike lipovan [The First Year of Life in Folk and Religious Practice of Lipovans]. In *Lipovane: istoriia i kul'tura russkikh-starobriadtsev* [Lipovans: History and Culture of Russian Old Believers], edited by A.A. Prigarin, II: 157–160. Odessa.